

Людмила Толмачева

Время для чудес

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т52

Художественное оформление серии
Е. Анисиной

Толмачева, Людмила Степановна.
Т52   **Время для чудес / Людмила Толмачева.** —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Новогодняя комедия).

ISBN 978-5-04-089961-6

С приближением Нового года в людских сердцах, как никогда, кипят самые яркие страсти. Успешный бизнесмен Евгений случайно встречается на улице бывшую одноклассницу Лиду и понимает, что именно ее он любил все эти годы. Анита, помощница Евгения, мечтает покориť сердце шефа и особые надежды возлагает на свой наряд Снегурочки к новомуднему корпоративу. Лидин сын Петр становится героем грез самой красивой девочки в школе, но даже не смотрит в ее сторону, потому что втайне влюблен в молоденькую учительницу истории. А у молоденькой учительницы тоже есть своя тайна... В общем, целый город охвачен суматохой, и только долгожданный праздник способен расставить все по своим местам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089961-6

© Толмачева Л., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ей хотелось, чтобы дверь грохнула, как артиллерийский залп, чтобы железный лязгающий стук разнесся по всем этажам и достиг ушей этого верблюда! Этого ленивого, тупого, спесивого животного!

Ан нет! Проклятый доводчик погасил удар: дверь, которую Лида толкнула изо всех сил, закрывалась до противного медленно, на прощание жирно чавкнула и даже, как показалось, злорадно усмехнулась.

Ну, ничего! Она еще отыграется! И на этой гадкой двери, и на верблюде!

Лида шла по улице, не замечая ни снегопада, ни взглядов прохожих, ни мелькания светодиодных гирлянд, развешанных на голых деревьях. Ее распирали гнев, внутри все клокотало и рвалось наружу. Сейчас бы закричать во всю глотку или зарыдать...

Но голос разума, как обычно, держал эмоции под замком. Единственное, что было доступно и давало возможность выпустить

пар, — это стремительно шагать по хрустящему снегу, мимо равнодушной толпы и новогодних витрин, шагать без цели, без остановки, не сбавляя скорости, ощущая внутри колючий ком обиды.

Конечно, можно воспользоваться мобильником — набрать номер Нонки или Аглаи и выложить все, что переполняло душу. Такое было уже не раз. И помогало. И пусть Нонка слушала вполуха, подавляя зевок, а Аглая так вообще молчала все время, пока длился трагический монолог, и лишь в конце, после многозначительной паузы, выдавала неизменное резюме про благодать женского долготерпения и умение лавировать в штормящем море семейных отношений.

Что ж, ее подруги были не совсем искренни и даже где-то в глубине души злорадствовали, пусть! Такова женская натура. Она сама из того же теста и все понимает. И ей приходится выслушивать откровенные до цинизма жалобы замужней Нонны и скучные, как гардероб старухи, рассуждения одинокой Аглаи. И сочувствовать, и давать советы, понимая всю их никчемность.

Но все же лучше так, чем держать под спудом накопившуюся боль.

А сегодня, кажется, не тот случай. Предположим, она позвонит той же Нонке. И что скажет подруге нового? Как ей тяжело жить

со своим мужем? Но об этом давно известно — тема обмусолена со всех сторон и, похоже, изрядно поднадоела. Есть, правда, нюансы, но их-то как раз выкладывать не хочется. Это все равно что донага раздеться на городской площади — стыд и позор. И правда, случай для телефонной болтовни неподходящий.

Лида замедлила шаг, перевела дыхание, окинула тоскливым взглядом улицу.

Надо же, рассердилась она, до Нового года больше месяца, а уже все кругом расцвечено, как на ярмарке.

Ее тонкий вкус профессионального дизайнера страдал при виде явного перебора украшений на фасадах, витринах и столбах. Эта пестрая мешанина вызвала в ней дополнительный негатив, которого и так было под завязку.

Люди, закончив рабочий день и сделав покупки, торопились домой. В уют и тепло, с завистью подумала она.

Из булочной вышел мужчина в сером стильном пальто и повернул навстречу Лиде. Она прошла мимо, окинув человека в сером рассеянным взглядом и невольно отметив его притягательный парфюм, и вдруг резко остановилась — за спиной кто-то мягким, но звучным баритоном произнес ее имя. Она оглянулась — мужчина в элегантном пальто смотрел на нее и улыбался.

— Неужели я так изменился, что одноклассники уже не узнают?

— Женя? Это ты? — севшим голосом произнесла она.

Радостные эмоции давались с трудом — настолько глубоко проросли в ней уныние и безысходность. Очевидно, ее скупая реакция разочаровала Евгения, веселое оживление на лице погасло.

Он кашлянул, вежливо спросил:

— Ты торопишься? Извини, не вовремя подвернулся...

— Господи! Женька! Да что ты такое говоришь? — очнулась Лида, растягивая непослушные губы в улыбке.

— А я тебя сразу узнал, — сдерживая волнение, произнес бывший одноклассник и шагнул к неподвижно стоявшей Лиде.

— А ведь ты и в самом деле изменился, — прищурилась она, разглядывая мужчину, как манекен в витрине. — Такой... весь из себя... И прикид... И прическа... Я уж молчу про французский парфюм.

— Что? Сильно разит? — усмехнулся он и, словно оправдываясь, пояснил: — Коллеги на день рождения подарили, да еще всего с ног до головы опрыскали... Ха-ха! Как колорадского жука на картошке.

— Не прибедняйся, — не без лукавства осадила его Лида. — Туалетная вода —

суперкласс, и выбирала ее наверняка какая-нибудь юная, но продвинутая претендентка.

— Претендентка? — удивился Евгений, но чертики в его глазах так и плясали.

— Вот-вот, — слегка язвительно сказала Лида и повторила: — Не прибедняйся.

— Ладно, не буду, — примиряюще согласился одноклассник и вдруг посерьезнел: — А ты как? Я имею в виду, как живешь? Семья, дети?

— Угу. Все как полагается в моем возрасте. Муж и сын. Шестнадцать лет парню. В десятом классе уже.

— А моей Ксении четырнадцать.

— Наверное, модница и красавица?

— Наверное, — пожал плечами Евгений и, заметив Лидино недоумение, улыбнулся: — В Лондоне она учится, в колледже. Видимся нечасто, да и то в основном по скайпу.

— Понятно.

Они замолчали. Лида, опустив глаза, задумчиво теребила край шарфа, а Евгений украдкой изучал ее лицо.

Нет, оно не постарело. Не обрюзгло, не покрылось морщинами, но что-то в нем было такое, не поддающееся описанию... Может, усталость?

— Жень, а ты счастлив? — вдруг спросила она.

Вопрос застал его врасплох. Своей неожиданностью, необычностью — не каждый день спрашивают об этом, — и еще тем, что задала его она, Лида, самая красивая девочка в их классе, самая замечательная, самая...

— Что? Счастлив? Ну... как-то неожиданно. Я давно...

— Прости. Можешь не отвечать. У меня случайно вырвалось. Просто я подумала... А! Уже не важно.

— Да нет. Чего там. Я могу ответить. И не на такие вопросы приходится отвечать. Я...

— Не надо, Жень. Я, наверное, пойду. Поздно уже.

— Ты с работы? Кстати, где работаешь? Кем? Если не секрет...

— Да какой секрет? Преподаю в детском доме творчества. Дизайн.

— Это где-то здесь, в этом районе?

— Ну да. На Сиреновой. А ты что... Тоже в этом районе?

— Нет. То есть да... Короче, квартирушечку здесь прикупил. Так сказать, запасной аэродром...

— Хм. Понятно.

— Нет, ты не подумай... Никакого криминала...

— Боже мой! Да не оправдывайся ты! Какое мое дело, собственно...

— Нет, но... Я все же объясню. Вот ты

спросила: счастлив ли я? Могу прямо ответить, без всяких ужимок и прыжков. Нет счастья, Лида.

— Но есть покой и воля? — не скрывая сарказма, усмехнулась она.

— Вот именно. Покой и воля, — сдержанно подтвердил Евгений. — Ты даже не представляешь, каким трудом они мне достались. Какой кровью. Я теперь на мир по-другому смотрю. Он, оказывается, большой и яркий. Для тебя он, может, всегда таким был, а мне открылся совсем недавно.

— Но почему? — заинтересованно подавалась к нему Лида, пристально всматриваясь в возмужавшее лицо одноклассника.

— Почему? Тут нет никакой тайны. Наоборот. Все проще пареной репы. Мы с женой разные люди. Настолько разные, что просто поражаюсь — как меня угораздило на ней жениться! Ведь то, что меня бесит в ней, я и раньше замечал, до свадьбы еще. Увы! «Рассудок сумрачный молчит, когда свой адский бал вершит и побеждает голос плоти».

— Ну, ты и сказал!

— Это крик души, Лида. Я долго терпел. Почти семнадцать лет. Но всякому терпению, как известно, есть край. И я дошел до этого края. Если бы не квартира, которую купил два года назад, не знаю, чем бы все закончилось...

— А просто разойтись ты не пробовал?

— Хм. Для кого-то это самый простой выход, но не в моем случае. У нее инвалидность... По моей вине. В ДТП попали. Я отделался царапинами, а у жены сотрясение мозга, несколько переломов. Еле выкарабкалась.

— Сочувствую.

Они вновь замолчали. Лида вдруг недобро подумала, что ничего не меняется в этом жестоком мире. Женщины стареют, болеют, становятся обузой для мужчин, которые с годами лишь набирают и во внешности, и в значении... Ишь какой мажор стоит! Вальжанный, холеный... Кто бы мог подумать, что из худого нескладного подростка получится такой денди.

— Лид, тебя проводить? — прервал ее размышления Евгений. — Поздно уже.

— А? Нет! Что ты! Мне тут... недалеко. Я пойду. До свиданья, Женья.

— Постой! Как же так? Двадцать лет не виделись, даже не поговорили толком и разбежимся в разные стороны?

— А о чем говорить? Вспоминать школу? Что-то не хочется. И погода не располагает...

— Может, в кафе зайдём?

— Ну вот еще! Я не одета, без макияжа и вообще...

— Да-а, аргументы тяжелые, — усмехнулся Евгений. — А мое мнение тебя не интересует?

— Какое мнение?

— Ты по-прежнему красивая, даже ненакрашенная, — с ласковой интонацией произнес он, и лицо его озарилось юношески открытой улыбкой.

— Ну, ты скажешь, — смутилась Лида, тронутая то ли комплиментом, то ли этой неожиданной улыбкой.

— А знаешь что? Поехали ко мне? Чего мы мокнем под дождем? Машина здесь, на стоянке. Хлеба я купил, нарежем бутербродов, пожарим яичницу. Идет?

— Ну, я не знаю... Поздно уже. Все это на авантюру смахивает...

— Брось комплексовать! Едем!

Он подхватил растерявшуюся Лиду под руку и решительно повел в сторону ближайшей парковки.

* * *

— Ничего, что я так наворачиваю? Честно говоря, с утра ни маковой росинки. Да и утром только кофе и сигарета — вот и весь завтрак.

— Ешь, ешь.

Лида заботливо подкладывала в его тарелку то ломтик колбасы, то салат из огурцов,

сама же маленькими глотками пила остывший чай.

В душе у нее творилось нечто странное: чувства наплывали одно на другое, не успевая толком оформиться, обрести внятную суть и законченность. Ей было неловко в этой квартире, рядом с бывшим одноклассником, и в то же время по-домашнему уютно и тепло. С одной стороны, она любовалась новым обликом Евгения, превратившегося за эти годы из «гадкого утенка» в уверенного и сильного мужчину, с твердым взглядом и жесткой линией губ. И в то же время ей претило его отношение к жене-инвалиду. Ведь виновником аварии был он сам. А теперь, видите ли, устал от жены, от домашних забот и скрывается в этом шикарном жилье.

Квартира-студия была довольно просторной, дизайнерски решенной, оборудованной новейшей электроникой. На стенах висело несколько картин, выполненных в абстрактной манере.

На вопрос Лиды, чьи это работы, Евгений почему-то смешался, ответил не сразу, дескать, это малоизвестный молодой художник, о котором она вряд ли слышала. Улучив момент, Лида смогла разобрать мелкое факсимиле в нижнем углу одной из картин. Молодым художником оказалась некая Ани-та Самойлова.

И вновь внутри шевельнулось что-то неприятное. Почему он не ответил прямо: мол, картины написала Анита Самойлова, молодая и талантливая художница. Получилось, будто выкручивался, боялся сказать правду.

«Господи, ну не жена ведь я ему и не любовница, — усмехнулась Лида, — зачем пере-до мной-то юлить».

Так и сидела за столом, прихлебывала холодный чай, путаясь в ощущениях и мыслях.

А Евгений тем временем наелся, попросил разрешения закурить, и, откинувшись на спинку стула, пустился в воспоминания юности.

— А помнишь новогодний бал в десятом классе?

— Бал? — рассеянно переспросила Лида. — Да, помню. А что?

— Как мы с тобой зажигали, а? Наш испанский танец. Публика ревела от восторга. И главное, не репетировали, чистый экспромт.

— Ну, я бы не назвала это танцем, — скептически пожала плечами Лида. — Так, несколько телодвижений под хабанеру.

— Но зал рукоплескал.

— Просто никто не ожидал от нас. Весь класс — в костюмах из оперы «Кармен», входим в зал, напевая «У любви, как у пташки, крылья». Учителя были в шоке.